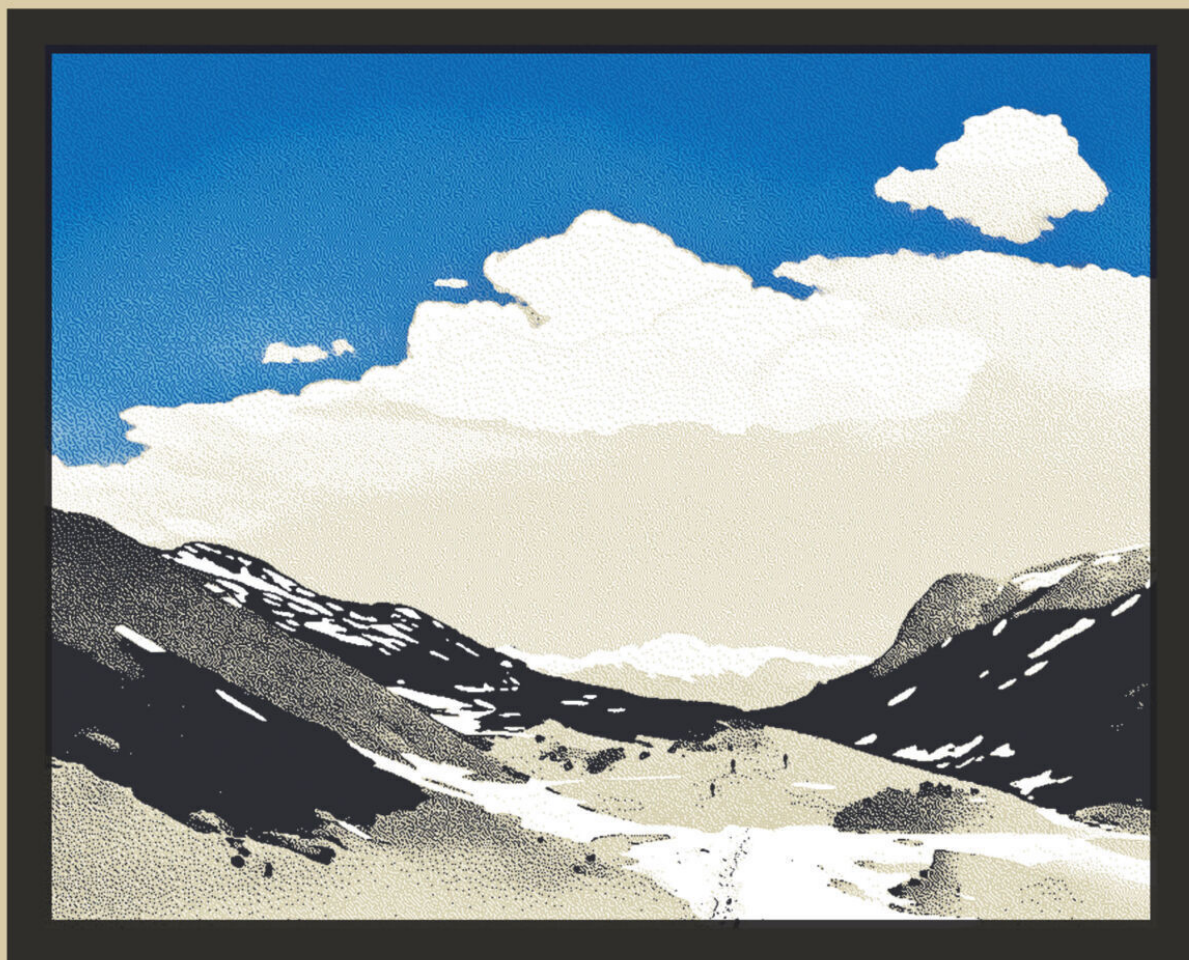

18+

ГДЕ

КОЛЯ

Повесть
о Второй
карабахской
войне

СТЕПАНЯН

/sub

Коля Степанян

**Где. Повесть о Второй
карабахской войне**

«Individuum / Popcorn books»

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Степанян К.

Где. Повесть о Второй карабахской войне / К. Степанян —
«Individuum / Popcorn books», 2025 — (/sub)

ISBN 978-5-04-216293-0

В 2020 году 22-летний московский армянин Коля Степанян отправился в Армению, где втайне от родителей встал на военный учет. Из армии его отправили на войну, которая вошла в историю как «Вторая карабахская». После двух недель боевых действий он пропал без вести на 70 дней. Где он был, что там происходило и как вместе с несколькими сослуживцами ему удалось оттуда выбраться — об этом Коля написал книгу «Где»: страшную, смешную, во многом неудобную и чертовски правдивую. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-04-216293-0

© Степанян К., 2025

© Individuum / Popcorn books, 2025

Содержание

От главного редактора	6
Где	8
Часть первая	11
1	11
2	13
3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Коля Степанян
Где
Повесть о Второй карабахской войне

© Коля Степанян, 2025

© ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Individuum®

От главного редактора

Вот как эта книга попала в редакцию. Ко мне обратилась художница Элиза Олькиницкая – мы сидели на скамейке у озера Вардавар в Ереване, толком не успели даже познакомиться. Узнав, что я работаю в издательстве, Элиза предложила мне прочитать еще не изданную повесть ее приятеля по имени Коля.

Коля – армянин, ему 26 лет, воевал в составе армянской армии в Нагорном Карабахе, чудом уцелел. Только что закончил свое первое произведение, сюжет которого основан на пережитом им опыте.

Я ожидал прочитать текст, полный ненависти к Азербайджану и, возможно, России. Ожидал политической агитации и проклятий. И еще боялся попросту низкого художественного уровня. Ни с чем из перечисленного в тексте я не столкнулся, – и даже наоборот: я обнаружил живой и искренне запечатленный мир, в котором красиво, страшно, а иногда даже смешно. Я немедленно попросил познакомить меня с автором. Здесь склейка, вместо которой мог бы быть описан кропотливый процесс издательской работы, и вот – книга перед вами.

Нагорный Карабах – это живописная территория размером с два Люксембурга внутри Азербайджана. За контроль над ней долгие годы велись споры и войны между Арменией и Азербайджаном. Как так вышло – вопрос, уводящий в историю становления и распада СССР. В короткий период между окончанием Первой мировой войны и установлением в Закавказье советской власти в Нагорном Карабахе шли кровопролитные столкновения между азербайджанцами и армянами: на эту территорию претендовали как Республика Армения, так и Азербайджанская Демократическая Республика. Конфликт был «заморожен» большевиками, в 1920 году взявшими под контроль обе страны. В итоге спорная территория, исторически населенная преимущественно армянами, превратилась в Нагорно-Карабахскую автономную область внутри Азербайджанской ССР. Распад СССР привел к новому витку территориальных споров и – первой войне.

Всего за последние тридцать с небольшим лет было четыре войны за эти земли между Арменией и Азербайджаном. Первая – с 1992 по 1994 год. После распада Советского Союза состоялся референдум, в результате которого жители автономной области – армянское большинство – проголосовали за независимость. Азербайджанское меньшинство этот референдум бойкотировало. Конфликт привел к вооруженным столкновениям, началась война. Тогда многие жители получившей независимость Армении эмигрировали, в том числе в Россию; среди них были и родители Коли Степаняна.

В той войне победу одержала Армения. Возникла Нагорно-Карабахская Республика (НКР) – непризнанное государство, контролировавшее большую часть территории Нагорного Карабаха (или Арцаха, так эти места называют в Армении) и «зону безопасности» из семи районов бывшей Азербайджанской ССР, не входивших в состав НКАО. Статус-кво после Первой Карабахской войны сохранялся больше двадцати пяти лет, с периодическими столкновениями на границе и безуспешными попытками решить вопрос Карабаха дипломатическим путем.

Вторая война продлилась четыре дня в апреле 2016 года и не привела к серьезным территориальным изменениям. Третья шла намного дольше, и стала известна как «Вторая Карабахская» – это была осень 2020 года, когда весь мир с нетерпением ждал отмены ковидных ограничений. Незадолго до начала боевых действий Коля, получив высшее (лингвистическое) образование в Москве, приехал в Ереван и отправился на военную службу. Началась война, и вскоре он перестал выходить на связь. Родные и друзья стали задаваться тревожным вопросом: «Где Коля Степанян?».

Пересказ того, что было дальше, послужил бы спойлером, ведь дальнейшее и составляет сюжет повести. Кстати, автор настаивает, что это не репортаж, не документ и не свидетельство

очевидца: это именно художественное произведение, и воспринимать его следует соответствующим образом.

Надо сказать только, что итогом Второй Карабахской войны стало поражение совместных сил Армении и НКР. Районы Азербайджана, окружавшие Нагорный Карабах, вместе с частью территории самой НКР перешли под контроль Баку. Это позволило Азербайджану фактически блокировать оставшиеся территории НКР.

А три года спустя – в сентябре 2023 года – произошла еще одна, самая короткая война. Азербайджан за сутки окончательно взял под контроль территорию Нагорного Карабаха. Нагорно-Карабахская Республика прекратила свое существование, и десятки тысяч карабахских армян вынуждены были эвакуироваться.

Важно проговорить: издательство принципиально не занимает ни одну из сторон этого военного конфликта. Межэтнические армяно-азербайджанские столкновения 1980-х и войны 1990-х и 2020-х унесли жизни огромного числа людей, и еще большего – оставили покалеченными, лишили домов и сломали судьбы. Война – это всегда горе, разрушение, гуманитарная и гуманистическая катастрофа, настоящая трагедия, виновники которой – допустившие распрю правительства. Разделение людей на своих и чужих по национальному, расовому или классовому признаку, – как и по религиозным убеждениям, – неминуемо приводит к страху, насилию и войне. Учитывая вышесказанное, я призываю отнестись к этой книге не как к апологии войны, а как к художественной фиксации наблюдений писателя, оказавшегося в экстремальных условиях.

Повесть не подверглась цензуре. Мы посчитали важным кроме художественной правды сохранить в произведении и правду живой речи со всеми ее характерными особенностями. Если нецензурная брань для вас неприемлема, не читайте эту книгу.

И последнее: при чтении важно помнить о таком явлении, как «ошибка выжившего». Изложенная в повести череда событий – не правило, а фантастическое исключение.

Алексей Киселев

главный редактор издательства Individuum

Где

Вторая Карабахская война шла осенью 2020 года – с 27 сентября по 9 ноября. Однако для меня и моих друзей она закончилась не в ноябре, а в конце декабря. Вот история о том, как это случилось.

* * *

Нахожусь в полном окружении близ города Гадрут. Вспоминаю все мои любимые фантастические истории и понимаю, что моя им ничем не уступает. Но только – вот ведь незадача. Я нахожусь в полном окружении близ города Гадрут.

Где это – город Гадрут?

Азербайджанцы скажут, что в Азербайджане. Армяне скажут, что в Армении. Вот и вся проблема.

Я, кстати, армянин.

Группой в двадцать один человек мы скрываемся в ущелье после проигранного боя. Вокруг – холмы и горы. Погибшие и смертельно раненные повсюду среди нас. На возвышениях – враг. Мы в ловушке. Их гораздо больше, и они отрезали нам путь к своим.

Мы можем их слышать. Мы также можем слышать наших раненых братьев в агонии их последних часов – по ущелью разносится многоголосый стон. Самое худшее – запах. Запах смерти. В общем-то, могу сказать, что ситуация для нас не лучшая. Крайне дерьмовая ситуация, если быть совсем честным.

Мы прячемся за густыми деревьями без воды и еды, уставшие и без малейшего понятия, что делать дальше. Четверо тяжело ранены. Командование, с которым мы сумели связаться, дало приказ ждать помощи. Надеюсь, помощь придет быстрее, чем помрет телефон. Или я.

Я обезвожен и голоден. Я сильно устал. Не уверен, что слово «устал» подходит сюда. Я изможден.

Наблюдаю за потихоньку умирающими людьми вокруг. Восемнадцатилетние, девятнадцатилетние ребята. Я всего на четыре года старше, но на пороге смерти эта разница ощущается огромной. Мне кажется, я успел что-то увидеть в этой жизни. Я путешествовал. Я любил.

А они? Мне очень хочется верить, что и они успели.

Если я взгляну назад, вглубь ущелья (очень не хочу этого делать), я увижу множество тел. Ближайшее ко мне принадлежало парню, с которым мы однажды вместе дежурили на КПП. Огромный. Добродушный. Он рассказывал мне забавные истории. Говорил, что мечтает стать менеджером в KFC.

– Мечтаешь стать менеджером в KFC? – я спросил его удивленно, с улыбкой.

– Ну да. – Он ответил холодно, жалея о том, что поделился со мной своей мечтой.

Теперь вот он мертв. И я, скорее всего, тоже буду мертв очень скоро.

Я не жалею, что все так получилось. У меня нет права скорбеть по своей жизни. Напротив, я благодарен за нее. Но мне очень грустно за ребят, которые ушли слишком молодыми.

Рядом со мной – мой друг или уже скорее брат – Манч. Рослый, широкоплечий, он постоянно подкручивает свои густые усы в стиле Нжде. Это вызывает улыбку.

– Это конец, брат, – сказал я ему шепотом. – Они нас слышат. Чуть стемнеет – спустятся, чтобы завершить дело.

Он даже не взглянул на меня. Его лицо не выражает никаких эмоций. Пальцы медленно подкручивают усы.

– Не спустятся.

Звучит совсем неубедительно.

К концу дня я печатал прощальное смс своему брату. Перебирал буквы на своей кнопочной «нокии» (печатать прощальное письмо на кнопочном – та еще попытка!), то и дело приходилось прерываться, – убирать с глаз слезы. Чтобы видеть нормально этот чертов экран.

Брат очень похож на то, что я совсем скоро умру. Брат, я вас всех очень люблю и очень перед всеми виноват. Очень надеюсь, что вам всем удастся очень скоро преодолеть эту горькую и продолжить жить. Мне бы очень не хотелось, чтобы обсуждая мою смерть, кто-то сказал, что она была глупая или напрасная. Я жил и умер ради того, во что искренне верил и верю, и даже сейчас не жалею, что я тут. Мама, папа, Эрминка, я вас безумно люблю и обнимаю, мы все обязательно еще встретимся. Худшее, что вы можете сделать, это бросить жить, будьте друг с другом, живите полной жизнью, а я буду счастлив, смотря на вас сверху. Люблю вас всех, ваш Кока.

Нет, я совсем не верил, что буду смотреть на них сверху. Но казалось, это хоть что-то. Хотя что-то, что я мог для них сделать. Сердце разрывалось на кусочки, как только я представлял свою мать и беременную сестру, рыдающих над этим письмом (к счастью, брат никому его не показал).

По мере того, как проходил второй день, я все больше и больше недоумевал, как это мы все еще живы.

– Что происходит? Где люди? Армяне, азербайджанцы? Где все?

Кажется, будто ни одна из сторон не имеет особого интереса к нам.

На третий день начались галлюцинации. Все сливалось в хаотичном танце образов, свойственных предсмертным часам. Моя жизнь, моя семья, лес, горы, мои друзья и мои враги. Мои мечты, которым никогда не суждено сбыться. Девушка, которую я никогда не встречу. Дети, которых никогда не воспитаю. Я не мог сказать наверняка, что было сном, а что было реальностью.

Надежд и раньше особо не было, сейчас их не было и в помине. Спасения не будет. Как долго мы можем прожить без воды? Глаза закрыты. Все кажется одной несмешной шуткой.

Как вдруг. Ни с того ни с сего. Я услышал кое-что. Кое-что, что выдернуло меня из глубокого сна. Заставило проснуться и начать бороться за жизнь.

Я услышал коровье «Му!».

Открыл глаза. Гениальный план ворвался в мою голову. Я точно знал, что надо делать.

– Манч, вставай! Вставай, брат! Ты что не слышал?? – я энергично прошептал в сторону своего дремлющего товарища.

– Слышал что?

Его сонное усталое лицо. Еще открытые глаза. Он действовал мне на нервы. Был слишком спокойным. Почему он так спокоен?

– Братик, там где-то корова. Ты что, не слышал «Му»?

– Слышал. Что дальше? – он спросил без каких-либо эмоций.

– В смысле – что дальше?? – Я прошептал это настолько громко, насколько мог, в его тупое несмышленное ухо. Я ожидал, что он будет так же воодушевлен, как и я.

– Я пойду доить ее!!! – Я схватил его за бушлат и притянул к себе. Улыбка на моем лице. Восторг на моем лице.

Тишина.

– Слушай, дружище, если ты еще не заметил, мы умираем от жажды, – продолжил я, не заметив у него энтузиазма. – У меня уже галлюцинации. Там, мать ее, корова, и у нее сто

процентов есть немного молока для нас. Как насчет того, чтобы ты проснулся наконец и мы пошли искать ее?

Моя уверенность зашкаливала. Я был бесконечно счастлив этому шансу. Манч чувствовал иначе. Он присел. Страхнул землю с бушлата. Протер глаза.

– Так, значит, ты хочешь пойти подоить корову? – спросил он наконец.

– Ну лучше, конечно, если мы вместе пойдем.

Он улыбнулся.

– Да уж лучше я здесь умру от жажды, чем буду застрелен с выменем в руке. Коля, блять. Seriously. Ты можешь представить себе лица азеров, когда они увидят нас за этим делом?

Мы так и не подоили ту корову. Вместо этого нашли деревню, в которой она жила и откуда мычала (но теперь всякий раз, когда мы где-нибудь слышим мычание коров, каждый считает своим святым долгом посмотреть на меня с хитрой улыбкой).

Несколько дней спустя я пишу брату еще одно сообщение. Зарядки мало – надо торопиться.

Я еще жив лол но ситуация еще опасная пиздец надеюсь все будет хорошо

Батарея села, и это был последний раз, когда я выходил на связь. После этого – шестьдесят семь дней борьбы за жизнь в тылу врага. Несколько встреч с врагом, ночная охота за едой и питьем, чуть самогона, много боли и неопределенности. Сомнения. Отчаяние. И еще чертова куча всего.

Но послушай! Это не грустная история. Знаешь почему?

Потому что мы все еще живы, лол.

Часть первая

Октябрь

Бояться смерти есть не что иное, как думать, что знаешь то, чего не знаешь. Ведь никто же не знает ни того, что такое смерть, ни того, не есть ли она для человека величайшее из благ, а все боятся ее, как будто знают наверное, что она есть величайшее из зол. Но не самое ли это позорное невежество – думать, что знаешь то, чего не знаешь?
Платон. «Апология Сократа»

1

Этой книгой я хочу защитить войну.

Как же это так, защитить войну, спросишь ты.

Да хоть сказать, что она не такая и ужасная.

Что она для *чего-то*. Или из-за *чего-то*. Я хочу сказать ей спасибо.

Не могу забыть, как впервые поел горячей еды после начала боевых действий. Уже больше месяца не ел ничего теплого.

Маленькая армянская деревня. Опустошена. Захвачена врагом. Непрекращающийся лай собак, одичавших без хозяев, которым пришлось наскоро покинуть свои жилища. Я и двое моих армейских друзей в каком-то полупогребе-полугараже. Каждый день мы выходим из нашего укрытия за едой. Этой ночью в полупогребе-полугараже я увидел маленький газовый баллон. Почему бы нам что-нибудь на нем не приготовить?

Посреди войны, в тылу врага, я и два моих лучших друга жарим картошку с яйцами. Я нарезал картошку кубиками. Мелко-мелко. Пожарил. И залил яйцами. Ребята удивлены – они такого никогда не ели. Запах спешно овладел пространством. Звук шипящего масла вернул нас куда-то очень далеко. Мы сидим вокруг газового баллона и замороженно слушаем. Завороженно смотрим. Завороженно вдыхаем аромат.

В том моменте было так много жизни.

Так много любви. Любви к жизни!

Скажу честно, меня сильно раздражают люди, которые никогда не были на войне, но искренне думают, что что-то о ней понимают.

Невозможно понимать *любовь*, не испытав ее.

Точно так же невозможно понимать *войну*. Или *смерть*.

На протяжении трех месяцев мы ели, пили и спали посреди дикой природы. Вне мира, построенного человеком, – в мире, построенном Богом. Со всеми его опасностями. Со всеми его чудесами.

Для меня, москвича, это вообще был первый опыт соприкосновения с дикой природой.

Чтобы выжить в ней, необходимо и самому одичать. Мы не могли не замечать, как быстро адаптируется наше тело. Самые ужасающие, устрашающие для человеческого сознания переживания стали обыденностью.

Спать на улице, в снегу. Охотиться. То и дело наткаться на тела. Скелеты. Убивать.

Война отправляет человека прямоиком в первобытность. И в этой первобытности, когда смерть поджидает за каждым углом, Бог как на ладони.

Ну, это исключительно мое ощущение, я не настаиваю. Мои ребята вот не верят в это во все, и ничего страшного. Но, черт возьми, я не переставал чувствовать *присутствие*. Сначала пуля пролетает максимально рядом с твоей башкой, не задев, и ты думаешь: ладно, повезло.

Потом это происходит второй, третий, четвертый раз. Вспоминаешь, как смеялся над любимыми боевиками, где герой все никак не мог умереть, и недоумеваешь: так значит, это действительно возможно. А потом происходит все больше и больше мистики. Каждый чертов день.

Мы привыкли видеть божественное на небесах, но как насчет земли?

Не поверишь, но в полном единении с *ней* почти что любое наше желание сбывалось в течение считанных часов.

Дав хотел вафли – мы нашли их в тот же день. Ато хотел попробовать азерские консервы – мы нашли их в тот же день. Каждый раз, когда подобное случалось, мы приходили обратно с «охоты» и кричали шепотом (да-да! Именно кричали шепотом): «Вы будете визжать как сучки!» – и они визжали.

Только одно желание, или даже скорее мечта Манча так и не исполнилась. Он хотел нутеллу.

Война – про крайности. Про жизнь и смерть. Красоту и уродство.

Она очищает.

В отличие от *мира*, она никогда не спросит, готов ты к уроку или нет, – просто швыряет его в твое тупое трусливое лицо.

Ничто не приводит человека в *настоящее* так, как война.

Сожаления о прошлом? Зачем? Если каждая секунда может стать последней. Переживания о будущем? Какое будущее?

Поверь, очень просто жить здесь и сейчас, когда в любой момент снаряд может прилететь тебе по голове.

Как ничто другое война учит любить. Как ничто другое она учит ценить.

Нет сигареты лучше той, что ты разделил в окопе с боевым товарищем.

Меня очень часто, уже после войны, призывали забыть все, что произошло, и жить дальше. Из благих намерений, конечно же. Но я не хочу ничего забывать. Хочу помнить об этой чудесной истории всегда. Очень рад, что она у меня есть. Она меня изменила, и я ей благодарен.

Книга небольшая, всего 256 страниц, но уверяю: для нас эта история длилась вечность. Удивительно, но вечность прошла. По истечении этой самой вечности я лежал на больничной койке утром после операции. Ног у меня больше не было.

Хотите верьте, хотите нет – но и этому тоже я был очень рад.

Ведь на войну мне больше не надо.

2

От станции метро «Партизанская» синей ветки московского метро каждые полчаса отправляется маршрутка до города Н. Ехать туда около полутора-двух часов. С пробками – все три-четыре. По прибытии в Н. можно взять себе какую-нибудь булочку, восстановить силы после долгой дороги (я люблю с маком или творогом). Потом садишься в двадцать первый или девяносто седьмой автобус, он привезет нас прямоком в место, с которым бесконечно связано мое детство, – село городского типа М.

Между красивой и некрасивой частями селения – два магазина: продуктовый и хозяйственный. Рядом – большое обшарпанное здание кафе. Вывеска на нем: «МЕЛЬНИЦА». Большими буквами. Раньше даже была небольшая 3D-модель мельницы, стояла на крыше рядом с вывеской. Не знаю, куда она делась.

Это заведение и сейчас более-менее живое. Но раньше жизнь в нем кипела по-особенному.

Начало нулевых. Сельское кафе моих родителей. Самые разные люди. Самых разных национальностей и вероисповеданий. Я вырос с этими людьми.

Кока! Так меня всегда называли. Кока был среди этих людей и любил их, а эти люди любили его.

– Кока! Беги, дядь Арташ зовет, – говорит симпатичная официантка-осетинка, погладив меня по голове.

Спустя несколько месяцев она убежит со всеми деньгами.

Но пока бегу я. К дяде Арташу.

Дядя Арташ – картежник. Его не так часто можно увидеть в кафе. Может, раз в месяц-два. Иногда он приходит с дочкой. Ей было около двадцати, мне очень нравилось сидеть с ней рядом, хотя мы не особо общались.

Больше общался с дядькой, он учил меня разным карточным фокусам. Один из них я помню до сих пор.

Шашлычник Артур был моим лучшим другом. Играли в футбол на плейстейшене, пока не было заказов.

– Артур!

Останавливаем игру. Скрип двери.

– Пять баранин, пять свиной мякоти, четыре картошки.

Артур идет ставить огонь. Я иду смотреть, кто пришел.

Часто Артур просил меня последить за мясом, и мне было очень лестно доверие.

Было очень весело.

Мама помогала поварам на кухне. Отец либо ездил за продуктами в город, либо сидел с гостями.

В узком холле перед туалетами стояли игровые автоматы. Штук шесть, по-моему, – по три с каждой стороны. По вечерам там едва можно было разглядеть людей за толстой завесой сигаретного дыма. То и дело я был ключником. В мои обязанности входило перезапускать автомат, если кто-то выиграл. И рассчитывать по деньгам.

Для этого надо было бежать к маме, говорить – например – десять тысяч! Она бы отсчитала деньги с недовольным лицом и протянула мне – я бегу обратно.

Помню однажды русский парень выиграл большую сумму. Слишком громко радовался. Я видел, как дядя Араик подошел к нему вплотную сзади, потянулся на носочках и медленно засунул обе руки к тому в карманы. Я еще удивился, как русский совсем этого не заметил. К сожалению (для дяди Араика), заметили друзья русского. Сильно избили. В кровь. Я долго после этого не видел дядю Араика.

В «Мельнице» вообще было много крови. Я бы не сказал, что каждый день, но часто. Как-то я стоял у бара и разговаривал с каким-то парнем. Навстречу идет знакомый дядя-дагестанец с вазой в руке. Пара секунд – и ваза с треском разбивается о голову моего собеседника. Упал рядом со мной. Много красного цвета, стекающего струями по его лицу. Большая потасовка. Мужчины дрались. Женщины пытались разнять. Кричали.

Но я. Я просто наблюдал.

Парализованный страхом и беспомощностью. До боли привычное мне состояние. Кафе. Дом.

Дома это было страшнее. Дома не было чужих. Дома были мать и отец. И я. Парализованный страхом и беспомощностью. Наблюдающий со стороны.

Страшен контраст испытываемых чувств. Любить днем. Ненавидеть ночью.

Контраст. Американские горки эмоций. Рефлексия. Усиленные попытки понять то, что понять невозможно.

Все это сформировало меня.

Очередной день. Я долго ждал, когда взойдет солнце. Оно наконец взошло.

Я сижу с отцом в машине.

Не хочу быть в этой машине.

Эмоций много, и я не в силах их понимать – они смешались в кашу в моей маленькой голове.

Но он улыбнется. Скажет пару слов, рассмешит. Я посмотрю на него и не смогу не любить.

В конце поездки он скажет:

– Важно быть честным человеком, нет ничего важнее. Порядочным. Никогда никого не обманывай.

Он очень часто говорил эти слова.

И они сформировали меня.

* * *

Мне было стыдно, когда мама говорила на армянском на улице. Просил ее:

– Мама!! Пожалуйста. Пожалуйста, говори на русском.

– Извини, балас (բալաս – *мое дитя*), я постоянно забываю.

Она забирала меня со школы, моя рука в ее руке (мне было семь или восемь). Я чувствовал: что-то не так. Уставился в ее лицо, пока мы шли.

Она зарыдала.

– Что случилось, мама?? – спросил я ее на армянском.

Мы остановились. Она посмотрела на меня. Одной рукой она убираала слезы, другой гладила меня по щеке.

– Коля-папик (կոլյա-պապիկ – *дедушка*) умер, – сказала она и снова начала плакать.

Я ничего особо не почувствовал по поводу смерти деда. Почувствовал куда больше из-за слез матери.

Коля-папик был отцом моего отца, меня называли в его честь. Я провел с ним всего пару месяцев за несколько лет до его смерти, не был сильно привязан. Он жил далеко – в Горисе, на юге Армении. Впоследствии я очень любил слушать истории про моего крутого деда. Может быть, потому что часто слышал, что очень на него похож.

Говорили, что он был очень прямым. Говорил все, что было у него на уме.

У деда было пятеро братьев и три сестры. Один из братьев как-то сказал: «Замечательный ты человек, Коля. Но лучше бы был немым».

Я обожал истории о нем. И не только о нем. О его братьях. О других родственниках. Стоило паре-тройке взрослых собраться – начинались рассказы. Эти истории были для меня Арменией. Истории и еда!

Мое детство имеет вкус танава! (кисломолочный суп с рисом, мы еще туда сушеный лаваш бросаем) и хавица! (карамельная каша). Оба блюда готовятся, по ощущениям, плюс-минус десять лет. И нужно все это время их мешать!

Как только запах этих прекрасностей достигал моего носа, я чувствовал одновременно колоссальное счастье и колоссальную тревожность. Почему? Потому что я знал, что следует за этими ароматами...

– Кока!! Иди сюда!! Помешай пять минут.

Пять минут... Это никогда не было пять минут...

Спустя несколько лет после смерти Коли-папика дедушка Коля тоже умер.

Русский седоволосый дед.

Он и Зинаида Павловна (подружка старости) сдавали нам комнату в своем доме. Дом очень сильно пах кошками, хотя там был всего один кот, Васька.

Я не знаю никаких подробностей о жизни дедушки Коли. Единственное воспоминание о нем – как мы вместе пили молоко. Каждый божий день. С «Юбилейным» печеньем.

Я все еще пью молоко каждый день.

Плакал, когда он умер.

Хорошие времена были у них дома в хорошей части села. Рядом с церковью. Там, в тех домах, было холодно, но меня это сильно не волновало. По вечерам мама просила меня согреть кровать. Мне нравилось это задание. Храбро нырял под ледяное одеяло и показательно дрожал.

Когда старик умер, нам пришлось переехать в некрасивую часть села, многоквартирное здание. Сельской молодежи мы не очень нравились. Как-то мы с мамой возвращались из кафе. На нашей двери было нацарапано слово «ХАЧИ».

Я тогда не знал, что значит это слово.

Мама ничего не сказала.

Я услышу это слово еще много раз. Когда пойду в школу.

Мама решила, что будет лучше, если я буду учиться в Москве. Я жил там с родной сестрой, она на девять лет меня старше. Родители оставались в М., чтобы зарабатывать на жизнь. Мама приезжала каждую неделю на пару дней. Убирала квартиру. Готовила кучу еды. И уезжала обратно в село. Иногда она забирала меня с собой на выходные.

Нам пришлось переехать в другой район Москвы, когда я был в шестом классе. Поменял школу. Было тяжело. Потерял четырех очень хороших друзей. Взамен получил класс с околофутболистами.

Первые полгода я дрался почти каждый день. Приходил в пустую квартиру и плакал. У нас дома был маленький флакончик с каким-то святым маслом – должно быть, мама принесла из Матроны. Флакончик крепился к бумаге, на которой была напечатана молитва. Эту молитву я читал стоя на коленях перед окном, когда дела были особенно плохи.

Думаю, мое общение с Богом началось именно тогда.

Он отвечал мне. Ответы приходили на страницах моих любимых книг. Я много читал – книги стали моими единственными друзьями.

Думаю, именно тогда я начал мечтать. Одна-единственная мечта, не покинувшая меня ни разу на протяжении всей осознанной жизни.

Когда-нибудь я сам стану Писателем.

3

Я чувствовал себя одиноким первые дни в армии.

Москва – Ереван. Приехал добровольцем. Стащил истекшие армянские паспорта родителей и поехал с ними в ОВИР (паспортный стол). Поставили на учет – дали гражданство. Спустя месяцев семь я наконец в воинской части. Жеребьевка определила меня в Джабраил, южная граница Нагорно-Карабахской Республики – под самым носом Иран и Азербайджан.

Все смотрели на меня как на идиота.

– Зачем ты приехал?

– Верю, что так правильно.

Парниша из Гюмри пробормотал что-то и ушел. Он был явно недоволен моим ответом.

Этот вопрос мне зададут еще огромное количество раз. В армии и после нее. И всякий раз я не найду ответа лучше. И всякий раз буду видеть в глазах собеседника непонимание.

Когда я впервые приехал в Армению в осознанном возрасте, мне было пятнадцать. Именно тогда я впервые почувствовал себя дома. Почувствовал себя принятым. То есть вопрос принятия/непринятия вообще перестал стоять. Повсюду такие же люди, как и я, так же выглядящие, разговаривающие на том же языке. Черт возьми, я даже не знал, что возможно ходить по улице без стыда за свое происхождение. Я даже не знал, что этот стыд вообще у меня был.

Это открытие легло уютным мягким одеялком на мой нежный возраст, в котором человек, как правило, начинает искать смысл.

Моим стала Армения. Она стала смыслом, за который хотелось жить и умереть. Было грустно осознавать, что так мало людей со мной этот смысл разделяют. Было грустно осознавать, что для большинства людей вокруг смыслом стал комфорт.

Комфортно ли им с этим смыслом?

А Армения? Нужна ли она кому-то, кроме наших врагов?

Скажут: какие ужасные слова! Конечно, нужна! Конечно, мы любим Армению!

Любим, но жить хотим где-то еще. Любим, но комфортом жертвовать не станем. Что же это за любовь?

Нет, я точно не хотел это ни с кем обсуждать. А потому, запершись в себе, погружался в армейскую жизнь. Очень старался не думать о том, сколько мне осталось служить (срок службы – два года), но не выходило. Чуть ли не каждые полчаса мысли уводили меня в подсчет оставшихся дней. Оставшихся недель. Часов. Чем больше я об этом думал, тем больше расширялось чувство безнадежности в моем сердце.

На шестой день я сидел на табурете в очереди на стрижку. Вокруг – ребята со всей Армении. Всю первую неделю я пытался подружиться с кем-нибудь, но непременно терпел фиаско.

Худощавый невысокий парень пришел с табуретом и сел рядом. Он выглядел на пятнадцать. Очень приветливая внешность.

– Артур, – сказал он, протягивая мне руку.

– Коля. Приятно познакомиться.

– Вы все ждете стрижки, верно?

– Ага.

У моего собеседника тонкая шея и искрящиеся глаза. Нос великоват, но это, наверное, из-за контраста с его худобой. Спустя минуту-две Артур задал еще один вопрос:

– Откуда ты?

– Родился в Москве, прожил там всю жизнь. Но семья из Гориса.

– Горис!! Мы можем говорить на барбаре (րարար – *диалект*), я из Мартакерта.

Он карабахский! Я был так рад услышать это. Это был мой первый год в Армении, и я все еще не мог нормально говорить на литературном (общем) языке. Мой (гориский) диалект

очень похож на карабахский (Горис граничит с этим регионом), и это значительно упростило коммуникацию с моим новым приятелем.

Артур, или, как мы его еще называли, Ато, сразу мне понравился. Он сильно отличался от всех остальных ребят. Он был открытым. Живым. Местами, правда, был каким-то по-детски манерным, но меня это совсем не смущало. Он ведь и есть ребенок, всего восемнадцать лет. Но кругом почти всем по восемнадцать, просто, в отличие от них, он не пытался казаться крутым, жестким. Ато был настоящим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.